

В общем и целом, отголоски чаадаевского выстрела обнажили скрытую раздвоенность в русской среде. Свое и традиционное — близко и любимо для русских, как и для всех других народов. То, как собственный народ относится к другим народам, является проблемой для тех, чья идентичность слаба. В России, как и везде, есть известное число людей, у которых имеется потребность ставить себя выше других только на том основании, что те не принадлежат к определенному народу. Нередко эта позиция является реакцией на пренебрежение, которое проявляют другие народы. Однако это способно усиливать силу действительной или воображаемой травмы. Это явление известно повсюду или почти повсюду. Для Финляндии русский шовинизм стал угрозой в конце XIX — начале XX в. Это время повсюду было временем подъема масс и империализма, расовые идеи входили в привычный дискурс культуры. В Западной Европе ситуация изменилась после Второй мировой войны, но окопавшаяся за железным занавесом Россия осталась вне этого процесса.

После краха Советского Союза Россия восстановила связь с европейской цивилизацией только после семидесятилетней паузы, когда культура пыталась одновременно продолжать былую историю и находиться вне ее, в соответствии с тем процессом, который в западном мире длился десятки лет. Она присоединялась к этой культуре, но пришла туда извне и в этой «несовременности», пожалуй, самый значительный отличительный штрих современной российской культуры и этим она вызывает особый интерес. Образно говоря, пистолет Чаадаева все еще дымит...

Пушкин как символ России

Образ Пушкина в истории России может послужить хорошим исходным пунктом для рассмотрения характерных именно для российской культуры черт. Пушкин был поэтом и писателем, который зарабатывал своим творчеством. Был ли он профессиональным писателем? Для русского уха этот термин в применении к Пушкину воспринимался бы как оскорбление и принижение его таланта. Для русского человека Пушкин отнюдь не был личностью, для которого писательский труд являлся средством к существованию, но некой творческой стихией, значение которой неизмеримо.

Гениальность Пушкина, с точки зрения русского, не только человеческая, она божественная. Он — посредник, который пребывает

в суровых местах обитания высочайшего мира, но при этом остается среди обычных людей — русских. Дар, талант неизменно вызывает в России интерес, но пусть остережется кто-нибудь сказать русскому, что Пушкин был (только) талантом.

Пушкин символизировал собой те нравственные элементы справедливости и мятежности, то сострадание к жертвам деспотии, которые являются долгом каждого русского интеллигента. Но, с другой стороны, он представляет также высочайшую радость жизни, дружбу, страсть молодости и оптимизм, поразительную одаренность.

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *ней!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Пушкин доказывает, что человек действительно может быть в контакте с высшими сферами, но при этом он остается исключительно человеком, который бросает свои гениальные дерзости тем, кого не ценит, и пишет веселые пародии на библейские темы.

Пушкин — это сила природы и при этом денди своего просвещенного времени. Влекомый немеркнувшим очарованием противоположного пола, он создавал потрясающие стихи, но также отдавал должное и телесной любви.

Как немцы из Гёте, так русские создали из Пушкина не сравнимого ни с кем гения, у которого имелись свои слабости, но была и удивительная сила. Гёте иронически писал о себе: *Das ist fürwahr ein Mensch gewesen* — «Воистину он человек!» Современные немцы давно позабыли об иронии, первоначально присутствовавшей в этой строфе, и считают Гёте человеческой вершиной. Схожее произошло у русских с Пушкиным, что нашло выражение в лаконической фразе «Пушкин — наше всё!»

Притяжательное местоимение здесь не случайно. Пушкин даже из русских — самый русский. Русские все еще продолжают с рвением размышлять над тем, что поэт подразумевал, когда писал в «Евгении Онегине» о Татьяне, что та:

... (русская душою,
Сама не зная почему)

С ее холодной красою
Любила русскую зиму.

В качестве предположения можно сказать, что если сам Пушкин создал Татьяну как идеальный образ русской женщины, то тогда его повествование определенно содержит в себе глубокое знание того, что есть русский человек, о той тайне, которую каждое новое поколение стремится раскрыть.

Глубокое символическое значение всегда видели в том, что Пушкина, русского гения, убил иностранный франт, хладнокровно и нелепо. То, что находившийся на вершине своей творческой силы поэт сам вызвал на дуэль этого французского мерзавца, в глазах русского совсем ничего не значит. Француз д'Антес, вероломный распутник и поверхностная посредственность, приобретает в русской национальной мифологии прямо сатанинские масштабы. Это произошло уже после судьбоносной дуэли, когда другой поэт — Лермонтов, также вскоре павший на дуэли, облек свои чувства в стихи.

Борис Ельцин, который обладал чем угодно, но только не художественным интеллектом, бросил на торжествах по случаю 200-летней годовщины рождения поэта эту крылатую фразу — *Пушкин — наше всё!* Едва ли он был признанным в России пушкинистом, который предлагает поклонникам огромное количество материалов о жизни, творчестве и смерти героя. Несмотря на это, совершенно очевидно, что даже Ельцин в какой-то период своей жизни учил своего Пушкина, чтобы цитировать его на публике. Иначе было бы уместно включить его в число тех варваров и остопопов, к которым русские относят менее всего заслуживающих уважения людей.

Было бы затруднительно представить, что Пушкин может быть свергнут со своего пьедестала. Тогда русская культура лишилась бы того, что составляет ее суть уже почти два столетия. Непочтительного обращения избежал даже Андрей Синявский в своей книге «Прогулки с Пушкиным». Да, Синявский отнесся к своим землякам исключительно жестко и оказался одним из символических козлов отпущения новых патриотов. Пушкин ведь для русского не просто человек, а именно русский гений. Именно он высоко поднял стяг независимой творческой силы в то время, когда самодержавие подавляло любую свободную мысль. Гениальность Пушкина была, однако, единственной в своем роде, сам царь не мог воздействовать на нее, хотя и пытался возложить на себя обязанности цензора поэта. Пушкин стал идеалом русского интеллигента — недостижимым

идеалом. Российская *интеллигенция*, которая стала зарождаться во времена Пушкина, провозгласила культ мятежа, который заманивал в свой круг большое число бездарностей. Отчасти стремились использовать славу Пушкина, хотя никто не осмеливался примеривать его плащ.

В биографии Пушкина есть и другой факт, который, по мнению многих, имел собственное, очень большое значение. Пушкин по своему происхождению не был чистокровным русским, его дедом был Ганнибал — арап Петра Великого. Славянофилы рассматривали эту расовую смесь как доказательство врожденной терпимости российского народа и безразличия в этнических и расовых вопросах: в Америке Пушкин не смог бы жениться на дочери даже белого мясника. В России его почитали повсюду — от императорского двора до глухой деревни, от Петербурга до побережья Тихого океана.

А что касается темы «Пушкин и Финляндия»... Бесспорно, ею очень интересовались, и у поэта легко найти пару упоминаний о финнах, а кроме этого — несколько туманных намеков, и это все.

Разумеется, Пушкин знал финнов. Чухонцы приходили с Карельского перешейка и из более отдаленных мест продавать продукты у невских берегов. Понятно, что особого интереса у воспитанника петербургских дворцов, входившего в круг светских львов, они не вызывали. Финны были для него «печальными пасынками природы», которые забрасывали жалкие сети в воды Невы до того как поведением Петра на эти бедные берега пришла цивилизация. Финский язык был одним из тех языков на краю цивилизационного мира, на который, как верил поэт, его творения в будущем будут переведены.

Как бы то ни было, но тема «Пушкин и Финляндия» — периферийная. Она настолько же периферийна, насколько Финляндия была периферийна для мира Пушкина. Для Пушкина граница в направлении Финляндии едва ли проходила по реке Сестре. Напротив, более чем очевидно, что она проходила между т. н. большим миром и провинциальностью. Финляндия представляла собой последнюю.

Перед гением Пушкина склонялись даже в период сталинского деспотизма. Случилось так, что апогей большого террора пришелся на 1937 г., когда праздновалось 200-летие со дня смерти Пушкина. Так как высокое искусство было тем, чему отдавал должное даже Сталин, вся культурная элита попыталась найти защиту у Пушкина. Никогда ранее торжества в честь поэта не приоб-

ретами такого размаха. Странно было видеть, что герои труда — стахановцы — устремились сплоченными рядами в пушкинисты. Партия провозгласила, что стахановцы являются самыми передовыми представителями нового советского народа, гигантами, которые овладели не только профессией, но также наукой и культурой. Необходимым условием образованности человека, в отношении которой стали использовать новый термин — *культурность*, являлось знание пушкинской поэзии. Избранные сочинения Пушкина печатались огромными тиражами, они стали основой каждой клубной библиотеки. Выбор был весьма удачен, т. к. эти сочинения были написаны великолепным нормальным русским языком, который был доступен как образованным, так и малообразованным людям. Последним, разумеется, контекст периода времени оставался непонятным, ведь стихи Пушкина — вечны и их объект — Человек, а не представитель какого-то периода времени, класса или места. Достоевский, по мнению которого, русские были не нацией, а человечеством, произнес по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г. речь, которую все еще помнит вся Россия. В ней писатель-пророк предложил народу России похоронить все споры и стать единым общечеловеческим народом в духе Пушкина. Речь произвела колоссальное впечатление. Совершенно незнакомые люди плакали и целовались друг с другом, покидали праздник потрясенными.

Когда инакомыслящие из года в год появляются у памятника Пушкину, чтобы выразить свои чувства, иное место для этого выбрать было бы трудно. Какая власть отважилась бы опозориться, пойдя на насилие перед глазами поэта! С другой стороны, незначительность приобретает свою человечность от блеска образа поэта, его присутствия. Как пел любимый в народе бард Булат Окуджава:

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает, и птичка вылетает.

...

Как обаятельны
(для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодейства
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Коммунистическая партия, разумеется, была заинтересована в том чтобы «завербовать» Пушкина в свои ряды. Понятно, что

это ей никогда не удавалось, т. к. мораль, которую проповедовала эта партия, не обладала теми общечеловеческими качествами, которые представлял поэт. Несмотря на это, Союз писателей СССР разместил у заголовка своего центрального органа «Литературной газеты» два изображения — Пушкина и Максима Горького — социалиста-ницшеанца, описывавшего бродяг по окраинам, жизнь которого оборвалась, когда он стал верным лакеем Сталина. ВКП(б) провозгласила обоих каноническими поэтами (в широком и самом высокопарном значении этого выражения) и дала понять, что они оба в равной степени выражают высшие достижения человечества.

В период перестройки Союз писателей поторопился потихоньку убрать изображение Горького с первой полосы газеты. Как воспевавший принудительный труд и репрессии Горький смог оказаться вместе с Пушкиным, вечным мятежником? Уравнивание этих двух людей еще более гротескно, чем смешение неба и геенны огненной, чем вся коммунистическая идеология.

Есть ли в какой-либо западной стране столь безоговорочно почитаемый и прославляемый поэт? Что делает Пушкина практически святым в то время, когда никто не является героем в глазах биографа? Ответ, пожалуй, лежит в том, что в России жива еще мысль о литературе как о выразительнице высших человеческих ценностей и о писателе как их толкователе. Так как эта основная экспозиция признается, ни у кого не возникало особого желания выступать в качестве апостола всеобщей аморальности. Да и кто бы осмелился провозгласить самого себя достаточно великим, чтобы покуситься на Пушкина? Это просто никого бы не убедило. Ситуация изменится тогда, когда в России станет нормой безнравственность и высшие человеческие ценности окажутся вытесненными мыслью о том, что весь мир должен служить лишь удовлетворению самых примитивных потребностей человека. Тогда Пушкин и станет только средством удовлетворения потребности, успех которого каждый будет оценивать по-своему.

Рунеберг и Пушкин

Финскую и русскую культуру символически различает то, что у нас не было своего Пушкина, а был Рунеберг. Образ Пушкина, помимо того, что он исключительно русский, в известном смысле также во многом общечеловеческий. Поэт не оторван от жизни, не ста-